

СИБИРСКИЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ
МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

Siberian Electronic Mathematical Reports

<http://semr.math.nsc.ru>

*Том 9, стр. А.20–А.23 (2012)*УДК 51
MSC 01A70

ИСТОРИЯ

Б. В. ДЕКСТЕР

АБСТРАКТ. This is a tribute to Alexandr D. Alexandrov on the occasion of the centenary of his birth.

Во время ректорства Александра Даниловича Александрова (А.Д.) в ЛГУ я был студентом, и содержательных контактов с А.Д. у меня, естественно, не было. Лишь позже, на конференции в Петрозаводске, оказавшись рядом в очереди к окошку администраторши гостиницы, мы обменялись несколькими малозначительными фразами. (Инициатива исходила от А.Д.) Тем не менее, с большой благодарностью к А.Д., я вспоминаю историю, которая в значительной мере определила мою судьбу. А.Д. играет в ней главную роль, хотя на сцене этой истории вообще не появляется и никак не действует. Действует его «дух», его «эффект присутствия». Этот-то эффект и приводит к занимательной коллизии с участием кафедры истории партии. (Прямая речь и прочтенные мысли ниже, разумеется, не претендуют на точность.)

Было это в 1958-м году. Двадцатый съезд — позади, но люди, добившиеся положения в обществе своей верностью делу Ленина — Сталина, продолжали сидеть в своих креслах — хотя и без прежней уверенности в завтрашнем дне. В университете они нервничали даже несколько больше, чем в иных местах: присутствие в стенах ЛГУ энергичного и эксцентричного ректора вызывало беспокойство у каждой университетской мыши. (Все это я осознал, конечно, не тогда, в свои 20 лет, а много позже.)

Я переходил тогда после второго курса Кораблестроительного института на второй же курс мат-меха, — такая любовь к математике у меня вышла. Сначала я получил на мат-мехе твердый отказ и уже настроился закончить свои дни в трюмах кораблестроения. Но в конце лета я решил предпринять еще одну попытку — хотя никаких новых аргументов у меня не было. На этот раз я попал не к замдекана (его не было), а к декану, Н. Н. Поляхову. Поляхов пожал

DEKSTER, B. V., A STORY ABOUT HISTORY.

© 2012 ДЕКСТЕР Б. В.

Поступила 14 июля 2012 г., опубликована 16 июля 2012 г.

A.20

плечами и сказал: «Пожалуйста! Только вам придется многое досдать». Я был согласен на все. И меня взяли на мат-мех — с академической задолженностью. И сразу — в колхоз.

Мне нужно было досдать все, чего в Кораблестроительном просто не было: алгебру, геометрию, анализ... А также пересдать — или перезачесть, как по-везет, — другие предметы: физкультуру, немецкий, и пр., и пр., и, наконец, — историю партии. Этот последний предмет приводил меня в трепет. Дело тут не только в моей плохой памяти и в отсутствии должного к нему интереса. Но еще и в том, что я не видел в нем логики — которая так помогает запоминать! В Кораблестроительном я потратил на историю больше времени и энергии, чем на математику, начертательную геометрию и черчение вместе взятые. Чтобы зазубрить повестки дня съездов, я придумывал мнемонические правила, считалки, неприличные стихи и т. п. И только таким путем получил четверку с натяжкой. Под конец экзаменатор спросил меня что-то о войне, хотя войны мы, естественно, не проходили. Я, похоже, ответил невпопад. Он долго и молча на меня смотрел, потом спросил: «А ваш отец — воевал?» «Да, — сказал я, — воевал. Погиб на Ленинградском фронте». Тут он, видимо, ощутил неловкость. (Он-то — не погиб.) Он скорбно поморщился, почесал голову тыльным концом авторучки и вывел мне «хор». Это стало мне как бы пенсией за отца.

Не было, не было у меня способностей к этому предмету... А еще я ведь вот как опозорился. По окончании мат-меха я вербовался преподавать в Африку — в порядке помощи странам, сбросившим иго и вставшим на путь соц. развития. И должен был на первом этапе пройти некое историко-политическое собеседование. Мой собеседователь был вполне доброжелателен и, склоняясь закончить интервью на положительной ноте, спросил: «Ну, какой был номер последнего съезда?» Если бы он спросил про повестку дня, я бы в грязь лицом не ударил. Но к этому вопросу я совершенно не был готов. И я ошибся. На 2 номера. Собеседователь мой посерел: «Ну, знаете, если вы такое там ляпнете, вас же просто засмеют. Это же позор будет на всю Африку.» И меня отсеяли от Африки.

Да, эта четверка в Кораблестроительном была мой потолок, апогей, мой высший пилотаж! Мой звездный час в истории! (Партии.) Повторить такой подвиг я уже не мог, даже на тройку. Нужно ли говорить, что сразу после экзамена я все немедленно и целенаправленно забыл? Только перезачет мог меня спасти.

Недостающую математику я изучил в колхозе и по возвращении в Ленинград благополучно досдал. И начались мои перезачеты. Начал я, естественно, не с истории партии. На кафедре физкультуры никаких проблем не возникло. Немецкий мне тоже перезачли, хотя и менее охотно. И вот, наконец, она осталась одна — история партии.

С колотящимся сердцем, сжимая в потной руке зачетку с уже удавшимися перезачетами (важный прецедент!), я вступил в бесконечный коридор истфака и остановился у двери с красной стеклянной табличкой «Кафедра истории КПСС». Постучав и не получив ответа, я заглянул внутрь. Это была приемная. Вдоль левой стены стоял длинный старомодный диван (кожа и темное дерево тонкой резьбы), вероятно, унаследованный от Петербургского университета. В глубине, у окна, что-то печатала секретарша, а между нею и диваном в стене была высокая дверь, обитая дерматином поверх толстой ваты. Я робко приблизился к секретарше и сказал, что хотел бы видеть завкафедрой.

Выяснив причину этого моего желания, она сказала: «Иван Иваныч (И.И., условное имя) сейчас занят. Посидите, пожалуйста (кивок на диван). Я вас позову». Сказано это было вполне доброжелательно, и я расценил это как доброе предзнаменование. Я сел поближе к дерматиновой двери и начал ждать.

Может быть, это у них — обычное дело, и они презачитывают всем не моргнув? Возможно, так со мной бы и вышло, если бы не дьявольское стечение обстоятельств. Тут я должен вернуться к кожаному дивану. Он не был пуст, когда я вошел. В другом его конце сидел утомленного вида мужчина средних лет в темном костюме и при галстукке. Я никаких почтительных улыбок ему не послал и, вообще, видел его лишь боковым зрением, оставляя его как бы по ту сторону своих земных хлопот. Вероятно, это был преподаватель истории партии, зашедший в перерыв со вкусом посидеть. («Историк», как представился Воланд.) И вот какая вышла история.

Некоторое время он неприязненно меня разглядывал, а потом, из своего потустороннего далека, отнесся ко мне так:

— А И. И. вам не презачтет.

Тут бы мне вздохнуть по печальнее, развести руками и кивнуть в знак покорности судьбе. Но этому я так и не научился. К тому же мне казалось, что, при описанной диспозиции сил, «историк» уже никак не может встрять между мною и И.И. Я сказал:

— А почему же он мне не презачтет?

— А потому, молодой человек, — был ответ, — что история партии преподается в университете более углубленно, с большим вниманием к первоисточникам, и, к тому же, у нас на историю отводится больше часов, чем в техническом ВУЗе.

— Хм... — Про часы я не знал. Да и так ли это? — Но я ведь на мат-мех перехожу, а там это дисциплина... — я сделал паузу чтобы пошевелить в воздухе пальцами, — не является профилирующей.

— Так значит, история партии — второстепенный предмет?

— На мат-мехе — да, — сказал я с гордостью за мат-мех.

— Ах вы так думаете? — Он почти вскричал.

— Да, я так думаю.

Тут «историк» встал, проследовал мимо меня к дерматиновой двери и за нею скрылся. Я похолодел. Он вышел минут через 5, но на диван больше не сел, а взглянув на меня с затаенным торжеством, вышел в коридор. Кошмар! Что я наделал! Исход был предрешен.

Спустя 10 минут И.И., глядя себе на нос, промямлил то же самое: более углубленно,... первоисточники,... больше часов. Помявшись, я сказал:

— У меня по истории КПСС — четверка... Не могли бы вы презачесть мне... с тройкой?

Это торгашеское предложение вызвало искреннее возмущение И.И. Ощувив свое моральное превосходство, он отлепил взгляд от своего носа и посмотрел мне прямо в глаза:

— Стыдитесь, молодой человек! Вы на кафедре истории Партии! Торг здесь не уместен! И, я думаю, вам будет особенно полезно освежить в памяти вехи нашей истории!

Все было кончено. Я вышел.

И только уже на улице, под сводами истфаковской колонады, я сжал голову руками и стоял так, закрыв глаза и не в силах сдвинуться... Что делать?...

Что делать?... Почитать, что ли, Ленина? Чернышевского? Мои «кораблестроительные корабли» были уже сожжены... Так что, — в Красную армию?

Дня 3 я пребывал в полной прострации, курил по две пачки в день и шил: с друзьями, и в одиночку, и на Невском 27 — с кем попало. А на четвертый — я принял решение: бороться! Пойду к Александрову! Запишусь на прием, выстою в очереди, если надо, и бухнусь в ноги: защиты и справедливости!

Ведь он же — математик, талант! (Это я уже знал.) Он должен меня понять! Не может же он в глубине души не презирать эту касту, которая «приводит прошлое в соответствие с настоящим» и отнимает у студентов столько времени этим «приведенным» прошлым! Разумеется, он мне этого не скажет. И, может быть, даже отчитает за лень. Но, возможно, он все же щелкнет за сценой каким-нибудь тумблером и повернет какое-нибудь колесико в мою сторону.

Конечно, в любом случае мне уже не добиться от кафедры КПСС того, чего добивался Коля Остен-Бакен от Инги Зайонц.(Любви, см. «Золотой теленок».) Но, если А.Д. проявит какой-то интерес к моей судьбе, то, может быть, они, хотя и не перезачтут, но не убьют меня совсем? И, хоть на второй моей попытке, выведут мне жалкую тройку?

Я зашел в ректорат и выяснил, как попадают на прием к ректору. Оказалось, нужно просто явиться в приемные часы. Мне пришло в голову, что хорошо бы принести А.Д. какую-нибудь бумажку: ему-то она ни к чему; но, если он решит мне помочь, то — с бумажкой — ему будет легче. И я написал заявление на имя И.И., в котором повторил свою просьбу о перезачете, и опять предстал перед секретаршей.

— Простите, я бы хотел подать вот это заявление.

Секретарша пробежала заявление и отодвинула голову назад:

— Так И. И. вам же уже отказал...

— Да, отказал. Но я бы хотел получить его отказ в письменной форме.

Ее взгляд нужно было видеть. Тут было много чего: возмущение, гнев, презрение,... беспокойство... Она взяла мою бумагу и сказала зайти через 3 дня.

Эти 3 дня я провел в такой же прострации, как и предыдущие. И вот, в назначенный срок, я снова предстал перед секретаршей. Головы она не повернула. А только выдвинула правый ящик стола и там, не глядя, взяла верхнюю бумагу и протянула ее мне. Это было мое заявление.

Оно уже было изготовлено для меня, как орудие — к бою. Заряд — полный, доворот от основного направления — хх, прицел — уу! (Спецкафедра была тоже на истфаке, совсем рядом. Там, на паркетном полу, изредка обтираемая уборщицей, стояла тяжелая гаубица — для изучения матчасти.) Осталось только дернуть за шнур. За историю нашей Партии — огонь!... Вот тебе, «Пифагоришка»! Двоечник! Лоботряс! Ишь, жаловаться решил! И на кого? — На Партию! Да ты уж не диссидент ли? Ну, погоди, диссидентская морда! Баламут! Узнаешь, почем фунт исторической правды! Кофе тебе будет! Какава!

Я с поклоном забрал свою ксиву и направился вон из приемной. Но до двери я не дошел. Ноги мои вдруг приклеились к щербатому паркету. На несколько секунд я просто потерял способность соображать. Что за черт?... Да, заявление — мое. Но... как это может быть? Я читал резолюцию И. И. снова и снова и не мог взять ее в толк. Эта резолюция — все, что осталось у меня в памяти от истории партии. Я выучил ее наизусть. Вот она (я ничего не добавил и не убавил): «Перезачесть» !!!